

УДК 82.0(091)

СЮЖЕТ ОБ ИБРАХИМЕ ИБН АДХАМЕ В ПОЭЗИИ ТАТАРСКОГО ПОЭТА-СУФИЯ АБУЛЬМАНИХА КАРГАЛЫЙ

А.А. Хасавнех, кандидат филологических наук

Имя Ибрахима ибн Адхама вошло во многие легенды Востока и стало символом аскетизма, отрешенности от мирской суеты во имя молитв во славу Всевышнего. Этот персонаж – не выдуманный суфиями образ отшельника, а реальное историческое лицо. Абу Исхак Ибрахим ибн Адхам ибн Мансур (ум. в 778 г.) – известный суфий из Балха, был сыном царя, большую часть своей жизни прожил в Сирии и погиб в одной из войн 778 г. [4, с. 183].

Среди ученых бытуют разные суждения по поводу происхождения реального Ибрахима ибн Адхама. Так, например, по мнению В.И. Брагинского, этот ранний мистик не был правителем Ирака или Хорасана, как его описывают в некоторых версиях легенды, а являлся человеком, прославившимся благодаря своей богобоязненности и аскетизму [5]. Однако тот факт, что Ибрахим ибн Адхам был сыном царя Балха, подтверждается в одном из ранних источников [2, с. 12]. Кроме того, мистик говорил о себе: «Мой отец был родом из Балха... и был одним из царей Хорасана» [3, с. 56]. О нем рассказывали, прославляя его подвиги, добрые деяния, отказ от роскоши и житие подвижника. Ибрахим ибн Адхам также прославился благодаря своему резко отрицательному отношению к браку и семейной жизни. Этот момент ярко выражен в известном агиографичес-

ком сочинении Ф. Аттара (ум. ок. 1230) «Тазкират ал-аулийа». Из уст персидского поэта мы знаем изречение мистика: «Дервиш, который женился, сел в ладью, а когда появился сын – [ладья] утонула» [4, с. 183].

По мнению Е.Э. Бертельса, нет такого сборника биографий шейхов, где бы Ибрахиму ибн Адхаму не посвящалось специального раздела, иногда даже очень значительного по объему [4, с. 183]. Об этом раннем мистике создано большое количество суфийских притч; небольшие по объему, они рассказывают нам о различных ситуациях, в завершение которых представлены нравоучительные высказывания известного мусульманского аскета по тому или иному поводу. В большом количестве и наиболее подробно они приведены в книге Абу Ну'айма Ахмада бин 'Абд Аллы ал-Асфахани (ум. 1039) «*Хильят ал-аулийийа ва табакат ас-сафиййа*» [1]. Принимая во внимание, что эти притчи были созданы в разное время, спустя столетия после смерти реального Ибрахима ибн Адхама, который служил для многих поколений суфиев идеалом и примером, подавляющее большинство из них, конечно же, были выдуманы авторами. Однако эти притчи объединяет то, что все они проникнуты духом высокой морали, богобоязненности и аскетизма. Кроме того, о нем созданы поэтические и прозаические произведения на арабском,

персидском, таджикском, узбекском, турецком, хиндустани, малайском, курдском и др. языках. Среди наиболее известных и распространенных версий легенды – курдские: «Бейт о Дарвеш Адаме», «Бейт о Мир Браиме Адаме», «Кавле Дар-веш Адам» [8], малайская: «Повесть о султани Ибрахиме ибн Адхаме» [5]. Но особой популярностью легенда об Ибрахиме ибн Адхаме пользовалась у народов Средней Азии; речь идет о романе неизвестного узбекского автора «Киссаи Иброхим ибн Адхам», подробный анализ которого приводится в исследовании Е.Э.Бертельса [4, с. 184–186].

Сюжет об Ибрахиме ибн Адхаме получил свое широкое бытование в татарской литературе еще в XVIII веке [9, с. 32–39]. Традиционно поэма о мистике, имевшая распространение среди татар, состоит из двух частей, одна из которых посвящена Адхаму, его женитьбе и рождению сына – Ибрахима ибн Адхама; вторая повествует о том, как Ибрахим Адхам стал дервишем. В народной среде большее распространение нашла первая часть рассказа, изобилующая фантастическими, чудесными элементами. Вторая часть повествует об этике отношений шейх – мурид, мурид – шейх. Поэтому она наполнена сугубо суфийским содержанием, до конца понятным только просвещенному кругу суфиев. В отличие от первой части, в ней отсутствуют фантастические и сказочные элементы и образы, все эпизоды сурово реалистичны. Такое подразделение легенды на две основные части бытует и в литературах других мусульманских народов. По мнению курдского исследователя Джалиле Джалал, «легенда жила двойной жизнью, существовала как бы параллельно в фольклорной и духовно-религиозной среде» [8], имея в виду, что первая часть поэмы о мусульманском аскете, наполненная больше сказоч-

но-фантастическими элементами, нашла широкое распространение в народной среде, в то время как вторая часть имеет чисто суфийское содержание и, соответственно, нашла место в агиографических сборниках. По сюжету поэма фактически представляет собой единое целое, однако среди татар имели хождение обе части поэмы как самостоятельные и законченные произведения. В книге «Гыйбрэтле хикэятлэр», составленной Наджимом Исмагиловым, приводится рассказ «Ибраһим Әдһәм хикэяте» (Рассказ об Ибрахиме Адхаме), повествующий о женитьбе Адхама, рождении его сына Ибрахима, истории его царствования и отречения от престола [7, с. 33–37]. Кроме того, известна еще одна версия легенды, принадлежащая перу известного татарского поэта Г.Кандалый (1797 – 1860). В ней рассказывается о встрече двух легендарных представителей Востока: аскета и мудреца Ибрахима ибн Адхама и арабского правителя Аббасидского халифата Харуна ар-Рашида (763–809). Подробный и детальный анализ этой поэме дан Миркасимом Усмановым, который в ходе археографических экспедиций одним из первых нашел ранее неизвестные исследователям-литературоведам произведения поэта, среди которых значилась и поэма «Кыйссаи Ибраһим Адхам». По мнению ученого, поэма Г.Кандалый «Кыйссаи Ибраһим Әдһәм» глубоко пронизана суфийским духом [6, с. 26]. Определив поэму как сложное литературное произведение эпико-философского характера, М.Усманов дает подробный анализ. Этот вариант поэмы Г.Кандалый, так же как и версия легенды А.Каргалый, не получил широкого распространения среди татар.

В сборнике поэтических рассказов татарского поэта Абульманиха Каргалый (1782 – после 1833) «Тәржемәи хажи Әбелмәних эл-



образом это предание стало известно Абульманиху Каргалый, каков главный источник, который лег в основу сюжета произведения татарского автора, у нас пока что нет определенно четкого ответа. Сложно также сегодня говорить о едином источнике легенды о служении Ибрахима бин Адхама своему шейху, которую можно было

Бистэви эс-Сэгыйди» («Переводы хаджи Абульманиха ал-Бистави ас-Са'иди») повествование об Ибрахиме ибн Адхаме, включенное в «Хикэяте сабигъ» (Седьмой рассказ), представляет собой совершенно отличную от предыдущих вариантов версию легенды о мусульманском мистике, окрашенную уже непосредственно в чисто суфийские тона и содержание. Это отдельное предание о мусульманском мистике состоит из ста восьмидесяти поэтических строк. Оно рассказывает историю служения Ибрахима ибн Адхама суфийскому наставнику (*муриду*) в качестве носильщика дров. Данное произведение – об этике отношений шейх-мурид, мурид–шейх. В отличие от предыдущих версий, о коих речь шла выше, эта история не получила широкого хождения в народной и литературной среде разных народов мира и встречается, в основном, только в отдельных суфийских агиографических сборниках, рассказывающих о жизни и деятельности суфийских шейхов, содержащих в том числе и наставления самих шейхов нынешним и будущим поколениям муридов-последователей. Эти сборники, как известно, имели хождение в среде суфиев, служили для них своего рода учебными пособиями. На вопрос о том, каким

бы принять за классический вариант. Однако с большой долей вероятности можно предположить, что родной возникновения этой легенды, как и многих других суфийских древних сказаний о жизнедеятельности шейхов, является Персия, откуда она распространилась до Индии, Индонезии, где дополнилась фантастическими, вымышленными элементами. Одним из немногочисленных источников, где упоминается данная версия легенды, является сочинение дагестанского шейха Хасана Хильми ибн Мухаммада ад-Дагестани ан-Накшбанди аш-Шазили аль-Кадири (1856–1937) *Талхис ал-ма'ариф фи таргиб Мухаммад 'Ариф* [11, с. 296–297], где в главе «Вред несоблюдения уважения к шейху» дается краткое изложение истории служения Ибрахима ибн Адхама. Эту версию повествования мы и примем за оригинальную. Учитывая тот факт, что на религиозно-просветительскую мысль татар, в особенности в период с конца XVIII вплоть до революции 1917 года, сильное влияние оказали мусульманские деятели северокавказского региона, в большей степени представители духовной элиты Дагестана, можно с некоторой долей уверенности предположить, что история служения Ибрахима своему шейху стала известна

А.Каргалый из вышеупомянутого суфийского сборника Хасана Хильми.

Согласно содержанию поэтического произведения «Хикайат-е сабиг» (Седьмого рассказа) Абульманиха Каргалый, Ибрахим ибн Адхам бросил царский престол, отказался от богатства и стал простым дервишем, примкнув к группе суфиев. Он состоял на услужении шейху и на протяжении семнадцати лет денно и ночью таскал на своей спине дрова. От такого тяжелого труда спина его вдоль и поперек покрылась кровотокающими ранами. У Ибрахима ибн Адхама в окружении муридов был близкий друг, с которым они уходили в уединенные места и тот смазывал ему спину лечебными маслами. Эту дружбу Ибрахим держал в тайне от шейха, боясь его разгневать. Однажды, не в силах более переносить муки томления и любви к шейху, Ибрахим упал ему в ноги и в слезах стал умолять его проявить к нему благодушие и милость. Но шейх грубо оттолкнул Ибрахима, упрекнув его в нетерпении. *«Время твое еще не пришло! / Если же ты не хочешь более терпеть, то уходи прочь с глаз моих, куда захочешь»* [10, с. 34], – сказал шейх Ибрахиму. Тот вышел от своего наставника в сильном смущении и стыде за свой проступок и отправился за дровами. Наставник же немедленно отправил вслед за Ибрахимом муэдзина, наказав ему, чтобы тот наступил ему на ногу своим железным башмаком и плюнул ему в лицо, если тот повернется к нему. Муэдзин выполнил приказание шейха. Ибрахим же, стерпев эти унижения, сказал муэдзину: «О, друг! Найдешь ты то, что ищешь, в Балхе». Муэдзин немедленно по возвращении передал ответ Ибрахима шейху, на что тот сказал: «Видать, не вышел из головы его Балх», имея в виду под «Балхом» его прошлое. После этого Ибрахима по повелению шейха прогнали в Балх.

Подчинившись воле наставника, Ибрахим добрался до родного города и проник вместе с остальными путниками во дворец. Служители дворца прогнали посторонних, однако Ибрахим ибн Адхам не тронулся со своего места. Служители подскочили и к нему и, не узнав в нем своего повелителя, начали бесцеремонно пинать его и столкнули по каменной лестнице вниз. Раненный и изможденный, Ибрахим поднялся на ноги, отряхнулся, прочитал молитву и отправился обратно к своему шейху. После долгого пути он добрался до земель шейха, но тот, узнав о приближении Ибрахима, выслал навстречу ему группу муридов, чтобы запретить ему дорогу назад. Однако Ибрахим, несмотря на тяготы, унижения, побои, пробивается к любимому шейху. Повествование заканчивается тем, что шейх радушно принимает своего мурида, проявляет к нему милость и сочувствие.

Раскрытие идейного содержания суфийского произведения А. Каргалый позволяет нам определить его литературную значимость, художественно-эстетическую ценность. И так, центральной темой повествования А.Каргалый об Ибрахиме ибн Адхаме является служение адепта (мурида) своему духовному наставнику (шейху). Данный вид служения является важной составляющей в практике суфиев. «Служба (*хидма*), являющаяся причиной принятия сердца [шейхом], – предпочтительнее зикра и муракаба» [11, с. 292]. В биографиях шейхов существует большое количество подобных историй, когда шейхи испытывали своих муридов пренебрежением. В том случае, если те, испытывая страдания, унижения и лишения, проходили этот этап испытания с выдержкой и смирением, шейхи одаривали последних своей благодатью и милостью. Так, например, в качестве примера можно было бы привести

одну из таких историй, случившуюся с шейхом Баха 'ад-дином Накшбанди (1318–1389), которая запечатлена в «Аль-хада 'ик ал-вардийа» [11, с. 294–295].

Согласно суфийской этике и правилам поведения, уважение и любовь к шейху – то же самое, что любовь к Аллаху. Для мурида его шейх – это наместник Пророка, поэтому в его присутствии он должен вести себя так, словно он находится перед самим Пророком. «Ставь своего муршида (наставника – А.Х.) выше себя, своих детей и всего, что тебе дорого. Его довольство тобой и есть для тебя [истинное] счастье, а отвержение им – великая беда» [11, с. 25]. Еще сказано: «Не обманись его внешне радушным, приветливым отношением, наоборот, внешне неприветливое отношение для тебя лучше, именно тогда ты и получаешь благодать... Если он окажется тебе особое почтение, то ты бойся особенно. Это для тебя смертельный яд. А если он принизит тебя, то радуйся, именно через это ты и получишь благодать. Муршид может вас испытывать по-разному, поэтому не спешите отрицать его поступки» [11, с. 26–27].

В повествовании А.Каргалый обрывает Ибрахима ибн Адхама олицетворяет истинный образец послушного, благонравного мурида. Он с честью проходит все испытания и тяготы, предназначенные для него и, в конце концов, становится повелителем обоих миров, удостоившись милостивого отношения со стороны своего наставника. Кто же в реальности был шейхом Ибрахима ибн Адхама? На этот вопрос, пожалуй, также сложно дать ответ. По версии, изложенной в «Рисалат ал-кушайрийа» ал-Кушайри, в Мекке он примкнул к Суфйану ас-Саури¹. По всей вероятности, Суфйан ас-Саури (716–778) и был тем духовным наставником Ибрахима ибн Адхама,

благодаря которому тот обрел духовное просветление.

Применительно к главному герою в произведении применяются следующие эпитеты: «*хуш хисаль*» ([обладатель] прекрасного нрава), «*ник гяһ*» (святой в душе), «*диндар*» (набожный, правоверный), «*газиз*» (святой, божественный), «*гариб*» (странник, скиталец), «*садык мурид*» (верный мурид), «*пор кирам*» (святой человек). Как видно, в этих эпитетах ударение делается именно на святости, набожности Ибрахима ибн Адхама. Любовью, милосердием, сочувствием к израненному, настрадавшемуся сердцу любящего мурида веет от обращения к нему шейха: «*дәрвишем бәнем*» (мой дервиш), «*гыйшыклә дилришем бәнем*» (тот, чье сердце изранено от любви), «*базы сәфид*» (светлая, белая душа). Эмоционально и проникновенно звучит речь шейха, обращенная к его муриду: «*Әй, дәрвишем бәнем, Кәл бире, әй гыйшыклә дилришем бәнем. / Мәрхәба кәлдең, әйа базы сәфид, Имде кәлмешдер, кариб, вакты омид*» [10, с. 37] (Дервиш мой! Приблизься же ко мне, о тот, чье сердце изранено от любви. / Приветствую тебя, светлая моя душа, Настал тот миг надежды для тебя).

В заключительных двенадцати строфах А.Каргалый, по традиции, подводит итоги, призывая читателя задуматься и поразмыслить, прийти к определенным выводам. В этой части автор, принимая за образец аскетизма и истинной набожности личность Ибрахима ибн Адхама, акцентирует внимание на сложности и тернистости суфийского пути. Этот идеал стойкости и терпения поэт противопоставляет некоторым из своих современников – представителям различных суфийских групп, погрязшим в клеветничестве, наговорах и сплетнях. Кроме того, в повествовании критикуются такие пороки общества, как озлоблен-

ность, насилие, жестокость, двуличие. Произведение заканчивается словами, наполненными сожалением о том, что не осталось уж в последнее время истинных приверженцев суфизма, таких, каким был Ибрахим ибн Адхам: «*Вирдың ула даиман ләгъу вә ләһу, Хишем, каһәр ула һәмшиә холкху. / Шәфкатъ урнына эшең- вирмәк әда, Дүкмәк вә сүкмәк-фигыль вә на сәза. / Жәмлә әхлак, зәмаәм сәндә вар, Әйләгел, кордаш, имди игътибар. / Канда калды имди улмакча морид, Гарь идәр фигылеңдән әсхабе йәзид*» [10, с. 38] (Молитвы твои – лишь пустой звук и игра, и нрав твой всегда [наполнен] злобой и насилием. / Вместо благодетелей у тебя на уме нечестивые поступки, Драки и склоки не к лицу [тебе]. / Ты заключил в себе все отвратительные качества, О брат, обрати же на это свой взор. / Где они теперь, истинные муриды, Пришли бы в ужас от твоих дел суфии).

Проанализировав повествование об Ибрахиме ибн Адхаме А.Каргалый, можно выделить следующие отличия и сходства от оригинальной версии легенды под авторством дагестанского шейха Хасана Хильми:

Во-первых, по версии Хасана Хильми, Ибрахим сначала приносит покаяние в своих грехах (*тауба*) перед Всевышним, затем становится носильщиком дров и слугой у ворот двора шейха. Эпизод покаяния, столь важный в суфийской практике, отсутствует в повествовании у татарского поэта.

Во-вторых, наблюдаются некоторые отличия и в завершающей части рассказа. Согласно версии дагестанского шейха Хасана Хильми, после теплого приема шейха Ибрахим ибн Адхам обретает просветление и благодаря *таваджжуху* (обращения всем существом) со стороны шейха, Ибрахим достигает самой высокой ступени в суфийском духовном восхожде-

нии. У А.Каргалый же в завершении рассказа мы не наблюдаем специфических суфийских терминов. В тексте сказано, что Ибрахим становится повелителем (эмиром) двух миров: «*Мәрхәба кәлдең, әйа базы сәфид, Имде кәлмешидер, кариб, вакты омид, / Диде вә максуда ирешиде һәмән, Улды Ибраһим әмире ду жиһән*» [10, с. 37–38] (Добро пожаловать, о светлая, белая душа, Вот и наступил тот миг, о котором ты грезил). Конечный эпизод, так же, как, впрочем, и вся поэма, рассчитанная на обывательскую аудиторию, написана популярным языком. В этом, пожалуй, кроется основное отличие татарской поэмы от оригинальной версии рассказа об Ибрахиме ибн Адхаме, которая, как известно, была составлена в суфийских кругах шейхами исключительно для своих муридов и представляла из себя не что иное, как учебное пособие.

В-третьих, А.Каргалый включает в свое произведение некоторые дополнительные сюжеты, которых нет ни в одном из агиографических сборников. Так, например, согласно содержанию произведения татарского поэта, у Ибрахима ибн Адхама был верный друг, с которым он уединялся, чтобы тот смазывал его покрытую ранами и гноем спину втайне от шейха; сюжет о муэдзине, который по приказу шейха наступает ему несколько раз на пятки железным башмаком, а затем плюет ему в лицо, а также последовавший за этим ответ Ибрахима муэдзину: «Ты найдешь то, что ищешь, в Балхе»; эпизод изгнания Ибрахима из дворца в Балхе; увещевания муридов, преградивших Ибрахиму дорогу к шейху и убеждающих его в том, что ему следует найти себе другого достойного наставника. Включение в произведение дополнительных сюжетов и эпизодов является своего рода литературным приемом, интерпретацией автором

основного сюжета, что придает произведению некую неповторимость и оригинальность.

В-четвертых, в конце рассказа об Ибрахиме ибн Адхаме Хасан Хильми и А.Каргалый приходят к собственным выводам. Здесь оба автора выражают единое мнение: суфийский путь нелегкий; тем, кто вступил на него и намерен дойти до самых его вершин, предстоят тяжелые испытания, которые не каждый способен преодолеть. «О, мой сын! – обращается к своим сподвижникам Хасан Хильми. – Не думай, что достижение высоких степеней [перед Аллахом] (макамат) – легкое дело. Не секрет, что, хотя обретение высоких степеней [перед Богом] и происходит, на самом деле, исключительно благодаря милости Всевышнего Аллаха и Его помощи, но успех приходит при наличии старания и усердия человека» [11, с. 297]. В данном случае оба автора апеллируют к Корану, где усердию в поклонении

уделено значительное внимание: «А тех, которые усердствовали в поклонении Нам, – Мы поведем их по Нашему истинному пути» (29:69).

Таким образом, суровый дух отрицания всех радостей жизни, пронизывающий все рассказы об Ибрахиме Адхаме, является характерным и для литературной версии татарского автора. В то же время важно отметить, что, несмотря на чисто суфийскую специфику, стиль рассказа Каргалый крайне прост и созвучен народной манере изложения. В нем нет привычного для суфийских произведений и трактатов сложной мистической терминологии и системы аллегорических образов. В сюжетную канву произведения, как мы видели из вышеприведенного анализа, вплетено много дополнительных образов, мотивов и деталей, что придает повествованию татарского поэта оригинальность и неповторимость, подчеркивает многогранность его таланта.

Литература

1. *Абу Ну'айм Ахмад бин 'Абд Алла ал-Асфхани*. Хильят ал-аулийа ва табакат ас-сафийа (на арабском языке). 10 аджат. – Джилд: 7. – ал-Кахира: Дар ал-фикр, 1996. – 400 с.
2. *Ал-Кушайри, Абу Касим 'Абд ал-Карим Ар-рисала ал-кушайрийа* фи 'илм ат-тасавуф (на арабском языке). – *Бейрут*: Дар аль-джейл, б.г., 1970. – 351 с.
3. *Арберри А.Дж.* Суфизм. Мистики ислама / А.Дж. Арберри. – Москва: Сфера, 2002. – 266 с.
4. *Бертельс Е.Э.* Избр. тр. Т. 3: Суфизм и суфийская литература. – М., 1965. – 524 с.
5. *Брагинский В.И.* Генезис и развитие малайской литературы [Электронный ресурс] / В.И.Брагинский. – URL: <http://www.dissercat.com/content/genezis-i-razvitiesrednevekovoi-malaiskoii-literatury-prilozheniya#ixzz37Qn6YNI9> (дата обращения: 26.10.2014).
6. *Госманов М.* Кабделжаббар Кандалий. Шигырьләр һәм поэмалар / М.Госманов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1988. – 557 б.
7. Гыйбрәтле хикәятләр. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2004. – 175 б.
8. *Джалиле Джалил*. Курдская версия суфийской легенды об Ибрахим Адхаме [Электронный ресурс] / Джалил Джалиле. – URL: http://www.kurdist.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=70&Itemid=1 (Дата обращения: 15.07.2014 г.).
9. *Исмәгыйлев Н.* “Ибраһим Әдһәм” сюжеты турында / Н.Исмәгыйлев // *Әдәбият чыганаclarы һәм текстология* / Редколлегия: Н.Г.Юзиев (жаваплы редактор), Н.Ф.Исмәгыйлов, З.Р.Шәйхисламов. – Казан, 1992. – Б. 32–39.
10. *Каргалый Ә.* Тәржемәи хажи Әбелмәних әл-Бистәви әс-Сәгыйди. – Казан: Казан ун-ның табгыханәсе, 1889. – 34 б.

11. *Хасан Хильми ибн Мухаммад ад-Дагесани ан-Накибанди аш-Шазили аль-Кадиди*. Краткое изложение сокровенных знаний для наставления Мухаммада ‘Ариффа. Перевод с арабского: Насыров И.Р., Ацаев А.С. – Москва, 2006. – 343 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Абу́ ’Абдулла́х Суфья́н ибн Са’и́д ас-Сау́ри (716, ал-Куфа – 778, Басра) – выдающийся имам, муджтахид, мухаддис, основатель ныне исчезнувшего мазхаба.

Аннотация

В статье приводится краткая история вопроса по изучению различных версий легенд, преданий и притч об Ибрахиме ибн Адхаме. Анализируется поэма татарского поэта-суфия Абульманиха Каргалый о служении Ибрахима ибн Адхама своему духовному наставнику (*муришиду*). Выделяются оригинальные стороны, авторская интерпретация, отличительные моменты этого произведения от версии, изложенной дагестанским шейхом Хасаном Хильми.

Ключевые слова: Ибрахим ибн Адхам, мусульманский святой, суфизм, Абульманих Каргалый, адаб служения шейху, интерпретация.

Summary

The article provides a brief history on the study of different versions of legends, stories and parables about Ibrahim ibn Adham. We analyze the poem of Tatar Sufi poet Abulmanih Kargali about serving of Ibrahim ibn Adham to his spiritual mentor (murshid). Also we allocate original details, the author's interpretation, and the distinctive aspects of the work from the version, which was described by the Dagestan Sheikh Hassan Hilmi.

Keywords: Ibrahim ibn Adham, a Muslim saint, Sufism, Abulmanih Kargali, adab of ministry to the Sheikh, interpretation.